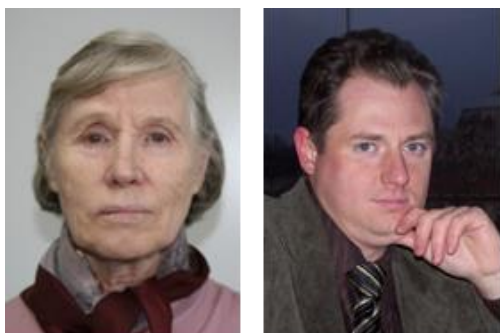

УДК 1
© 2015 г.

*Т.П. Матяш,
Д.В. Матяш*

ОБРАЗ УЧЕНОГО: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ

Матяш Тамара Петровна – доктор философских наук, профессор кафедры философии религии и религиоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, e-mail: tamara.matiash@yandex.ru

Матяш Дмитрий Владимирович – доктор философских наук, доцент, профессор Донского государственного технического университета, г. Ростов-на-Дону, e-mail: dmatias@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается эволюция образа ученого в европейской историко-культурной традиции. Авторы показали, что общественное восприятие личности ученого и исполняемой им социальной роли исторически изменялось по мере развития науки и общества. Для решения проблем конкретно-исторического характера научной деятельности, анализа отношения общества к деятельности ученых авторы статьи проанализировали философское обоснование легальности и легитимности научной деятельности ученых, используя тексты таких философов, как Ф. Бэкон, Л. Фейербах, Ф. Ницше и М. Хайдеггер. Использование философии для объяснения данных вопросов обусловлено тем, что наука ничего не может сказать сама о себе своими научными средствами. Именно поэтому, считают авторы, вопросы «Что значит знать?», «Как возможна наука?», «Каков статус ученого в обществе?» и т.д. традиционно анализировались только в философии.

Ключевые слова: наука, ученый, легитимация, легализация, теология, толпа, аутизм, идеальный образ, логика, дарвинизм, позитивизм.

Общественное восприятие ученого и исполняемой им социальной роли исторически изменялось по мере развития науки и общества. Сами ученые не занимались исследованиями проблем конкретно-исторического характера своей деятельности, своего места в общественном разделении труда, не анализировали, как и почему изменялось отношение общества к их деятельности. М. Хайдеггер объяснял, что наука ничего не может сказать сама о себе своими научными средствами. Она «дает первое и последнее слово только и исключительно только самому предмету, самим вещам». Поэтому вопросы, выходящие за пределы деятельности познания вещей, а именно вопросы «Что значит знать?», «Как возможна наука?», «Каков статус ученого в обществе?» и т.д., оставались за порогом внимания ученых. Такого рода вопросы формулировали и отвечали на них философы, внимательно отслеживая на протяжении всей истории науки перипетии её судьбы, касающиеся прежде всего тех, кто занимался наукой. Известно, что отношение к первым ученым было недоброжелательным и даже враждебным, что, несомненно, отражалось на статусе возникшей науки. Даже в Англии XVII в., традиционно считавшейся родиной науки, теологи, политики и толпа, по свидетельству Ф. Бэкона, заподозрили первых ученых в некоей ненормальности, граничащей с безумием. Он одним из первых понял, что если не остановить протестную волну против ученых, то наука не сможет получить подобающий ей статус, а попросту процесс её легитимации и легализации будет сильно заторможен, если не остановлен вовсе. Ф. Бэкон взял на себя трудную работу не только показать истоки этой недоброжелательности, но и выдвинуть контраргументы в оправдание деятельности и способа жизни ученых. Если учесть, что ему пришлось вступить в полемику с теологами, то работа эта была не только трудной, но и опасной, и остается только удивляться бесстрашию Ф. Бэкона. По-видимому, его бесстрашие в защите ученых предопределялось верой в то, что наука есть дар милосердия Бога в помощь страдающему от болезней и голода человечеству. В этом контексте только можно понять смысл признания Бэкона в том, что он испытывал «пылкую любовь к науке» [1].

Протест против ученых теологи обосновывали аргументами, согласно которым чрезмерное стремление ученых к знанию есть следствие грехопадения, а стремление к истине рождает высокомерие. Ведь Библия гласит: «В великой мудрости – великая печаль», «кто увеличивает знание, тот увеличивает и страдание» (Еккл. 12, 12; 1, 18). «Знание делает нас надменными», а потому в знании «остается нечто

от змея искусителя». Апостол Павел предостерегал: «Да не дадим обмануть себя бесплодной философией» (Кор. 1, 8, 1; Кол. 2, 8). Ученые, как утверждали теологи, размышляют над вторичными причинами, игнорируя первопричину (Бога), а потому склонны к ереси или атеизму.

Ф. Бэкон контраргументировал. Приведенные теологами положения из Библии говорят не о греховности познания, а указывают на «истинные пределы, поставленные человеческому знанию». Так, не должно видеть счастье только в науке и забывать о нашей смертности, необходимо заботиться о спасении, что невозможно вне Церкви и религии. Истинное знание само по себе не может породить «надмение», приводящее к душевному беспокойству. Последнее возникает только в ходе практического применения истинного знания, к чему ученый уже не имеет отношения. Воспротивился Ф. Бэкон и мнению теологов, согласно которому «излишнее знание склоняет разум к атеизму». Напротив, утверждал он, занятия наукой возвращают к религии. В Библии говорится, что «если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18, 3). Ф. Бэкон, интерпретируя эту заповедь, писал, что в Царство Небесное «никому не дано войти, не уподобившись детям», то есть, не очистившись от тех предрассудков и пороков, которые исказили богоподобный лик человека. Но и в царство науки, по его убеждению, войти может только тот, кто предварительно освободился от всех предвзятых понятий и «неверных» слов. Поэтому, с точки зрения Ф. Бэкона, «вход» в царство науки является некой «репетицией» входа в Царствие Небесное. Некорректны, по Ф. Бэкону, и утверждения теологов, что размышления над вторичными причинами подрывают авторитет первопричины (Бога). Бог, утверждал он, всегда все совершает в природе только через вторичные причины, познание которых способствует «рождению благоговения перед первопричиной» [1].

Недоброжелательно и даже враждебно отнеслись к ученым и политики XVII в. Они, как свидетельствовал Ф. Бэкон, утверждали, что занятия наукой отвлекают ученых от политических и общественных дел, что они мало способны к военному делу, безразличны к воинской славе, так как тяготеют к покою и уединению; их деятельность – это род «безделья». Будучи склонны к дискуссиям, спорам, рассуждениям, ученые упрямы и несговорчивы, а потому плохо повинуются гражданской дисциплине, способствуя тем самым ослаблению порядка в обществе.

Возражая против такого восприятия политиками ученых и их деятельности, Ф. Бэкон объяснял, что наука не есть разновидность «безделья». Её нельзя уподоблять тому «ложе, на котором взволнованный

и беспокойный дух мог бы отдохнуть», либо «галерею, либо портику, внутри которых ум мог бы свободно прогуливаться», либо «башне, с высоты которой гордый и честолюбивый ум мог бы взирать на все вокруг». Наука – «богатое хранилище и сокровищница, созданная во славу Творца всего сущего и в помощь человечеству». Занятия наукой есть специфический умственный труд, причем очень тяжелый. Ум ученого находится в непрерывном действии, но не ради выгоды, почестей, богатства и власти, а ради познания истины. Ф. Бэкон предупреждал всех, кто устремляется в науку, о необходимости помнить «об истинных целях науки», состоящих в том, чтобы приносить «пользу для жизни и практики». Те же, кто идет в науку ради «развлечения», «соревнования», «славы или могущества и тому подобных низших целей», не являются учеными, считал он. Из всех людей ученые – «самые неутомимые» труженики. Соглашаясь с тем, что ученые мало способны к военному делу, Бэкон и здесь находил для них оправдание, утверждая, что ученые способствуют военному делу и воинской славе, так как «в государствах военная и научная слава... или существуют одновременно, или близко следуют одна за другой». Анализируя мнение политиков, что склонность ученых к диспутам и спорам подрывает общественный порядок, он доказывал, что, напротив, эти диспуты и споры открывают дорогу к сознательному повиновению законам и нормам общественной жизни. Сопровождающие научные диспуты и споры умения и навыки аргументировать, рассуждать, обосновывать, доказывать нужны не только ученым, но и политикам, и военным при решении трудных политических и военных проблем [1].

Враждебно встретила первых ученых и толпа, которую раздражало, что ученые, как правило, были людьми незнатного происхождения, неимущими, постоянно испытывающими нужду. Толпа же всегда ценила успешных и богатых. «Раздражали» толпу также «уединенный, незаметный образ жизни ученых», их неумение приспособливаться и сходиться с окружающими их людьми, заботиться «о соблюдении приличий в вещах, по существу незначительных и внешних (выражение лица, жесты, походка, манера разговаривать и т.д.)». Кроме того, толпа считала деятельность ученых в обществе незначительной в силу того, что «им поручается воспитание детей и юношества», занимавших нижнюю строку в ранжировании социальной значимости возрастных страт. Ученые, парировал Ф. Бэкон, не виноваты в том, что государства, в которых они живут, слишком мало обращают внимания на воспитание молодежи, отказывая молодым в должном уважении, не по-

нимая, что молодое поколение сродни молодому растению, о котором следует заботиться.

Защищая ученых от укора толпы, связанного с их бедностью, Ф. Бэкон разъяснял, что пренебрежительное отношение к бедности свидетельствует о необразованности толпы. Бедность, указывал он, редко осуждалась в истории народов. Так, у римлян она считалась священной и почитаемой в течение многих веков. Когда диктатор Цезарь решил восстановить Рим, пришедший в упадок, ему советовали для достижения успеха, прежде всего, «уничтожить любым путем уважение к богатству». Ф. Бэкон ссылается при этом на притчу царя Соломона: «Кто спешит к богатству, тот не останется честным», и притчи древних иудеев о богатстве, знании и мудрости. Все притчи содержат, как считал он, одну мысль: «Богатства следует тратить для того, чтобы приобрести знания, а не употреблять знания на то, чтобы приобрести богатства». Что касается осуждения толпой стремления ученых к покою и уединению, то ученые уходят от городской суеты, чтобы достичь безмятежности духа, освободиться от недостойных дел, мешающих глубоким размышлениям. Признавая, что действительно ученые с трудом приспособляются и сходятся с окружающими их людьми, Ф. Бэкон объяснял такое поведение возвышенностью духа ученых, «из-за которой им очень трудно снизойти до отдельного человека (даже заметить его)». Но, как считал он, в толпе господствует своеобразное понимание внимания к другому человеку, отождествляемое с умением «копаться в чужих переживаниях для того, чтобы потом оказывать на человека давление, заставлять его подчиняться чужой воле». Такое понимание внимания к другому человеку «свойственно людям не очень-то честным, но, напротив, хитрым и двоедушным». Ученые не приемлют такого отношения к другому человеку. Их внимание к нему не простирается «дальше, чем это необходимо для того, чтобы познать его характер, с тем, чтобы можно было обращаться с ним, не оскорбляя этим обращением, помогать ему советом, если нужно, и в то же время во всем обезопасить самих себя». Этому толпа понять не может, а потому возводит своеобразную клевету на ученых. Не принял Ф. Бэкон и упрека толпы, согласно которому ученые зачастую не заботятся о соблюдении приличий в своих жестах, манере говорить и т.д. «Несоблюдение приличий», писал он, свидетельствует, прежде всего, о неопытности ученых в повседневной жизни и «в частных взаимоотношениях». Достаточно вспомнить, напоминал он, что в облики Сократа и в манерах его поведения было нечто даже «уродливое», что и бросалось «прежде всего, в глаза толпе» и служило «пред-

метом сплетен, но глубины его духа» заключали «в себе величайшие способности и добродетели» [1].

Но, защищая ученых от нападок теологов, политиков и толпы, Ф. Бэкон предупреждал и самих ученых о том, что зачастую они сами «позорят и бесчестят и самих себя, и науку». Это случается, когда ученые сознательно становятся слугами богатых и знатных людей, теряя свое достоинство, как это произошло с римскими философами позднего периода; когда ученые посвящают свои книги какому-нибудь покровителю, забывая, что и они, и их книги должны быть только «в услужении» истины и разума [1].

Ф. Бэкон оставил нам свидетельство, что в его время теологи, политики и особенно толпа воспринимали ученых как людей, живущих в каком-то параллельном мире. И в этом была некая правда, если согласиться с мнением Ф. Гиренка, что первые ученые проявляли в своем способе жизни черты аутизма и шизофрении. Общество же «не выносит молчания аутиста, его раздражает власть мании, сосредоточенность человека на чем-то одном, что не помещается в мире сущего». Поэтому социум – это вечный враг аутиста [2]. Характерологические особенности в поведении ученых видел и сам Ф. Бэкон, но его восхищение наукой, желание помочь ей обрести легитимность и легальность заставили его искать аргументы придания этим особенностям характер благочестия.

К началу XIX в. наука добилась больших успехов и проблемы оправдания деятельности ученых потеряли свою актуальность. Общество перестало говорить о странности их поведения и образа жизни, занявшись поиском рациональных черт мышления, поведения и нравственности ученых. Началось конструирование образа ученого, соответствующего научному рационализму. Если Ф. Бэкон спасал ученых XVII в. от уничижительной критики со стороны политиков, теологов и толпы, пытаясь легитимировать и легализовать их статус, то Л. Фейербах, живший в XVIII в., уже был свободен от такой задачи, так как в его время ученый стал эталоном нравственного и умственного совершенства в глазах те же политиков, толпы и даже теологов. Перед ним встала задача создать идеальный образ ученого как эталона нравственного и умственного совершенства. Решил Фейербах эту задачу путем обобщения личностных характерологических черт французского мыслителя П. Бейля, жившего (Nota bene!) в XVII в. и всю свою жизнь борющегося с теологией, что в его эпоху было бы расценено как некое отклонение от норм нравственного и вообще социального поведения. Но в интерпретации Л. Фейербаха ученый П. Бейль предстал как «му-

жественный борец за справедливость и истину», подчиняющий свои личные интересы научным интересам, обладающий «миролюбивым характером». П. Бейль действительно говорил, что он «не особый охотник до споров, происков *entre-mangeries professorales* (профессионального взаимопожирания)... господствующего во всех университетах»; что его интересует только предмет исследования и совсем не беспокоит и не заботит «болтовня толпы», её расположение или, наоборот, нерасположение. Ученый, согласно созданному Фейербахом идеальному образу, «не знает большего наслаждения, чем работать и быть деятельным», о чем, кстати, повествовал сам Бейль: «Развлечения, *partie de plaisir* (увеселительные партии), игры, пирушки, поездки за город и другие виды отдохновения в этом роде... не по моей части; я на такие дела время не трачу. Но столь же мало отнимают мое время и домашние заботы (Бейль не был женат. – *Авт.*), служебные дела, ходоатайства и т.п.». Лишенный «гордости самомнения», презирующий мирские почести и богатство П. Бейль, как писал Л. Фейербах, находил счастье только в науке [5]. И действительно, современников поражало бескорыстие П. Бейля, который «на предложения знатных господ посвящать им за большие вознаграждение свои сочинения неизменно отвечал отказом», а одному из своих друзей писал: «Я не охотник ни до наживы, ни до почетных должностей». Основной добродетелью ученого, согласно созданному образу, является честность, так как «любовь к науке – это любовь к правде» [5]. Честный же человек «некорыстолюбив, самостоятелен, прямодушен, враг всяких рабских, стесняющих сердце, загрязняющих душу убеждений». Л. Фейербах был убежден, что тот, кто «делает науку целью своей жизни, тот делает и добродетель своей целью», становясь «объективным человеком», то есть человеком, который «наблюдает и любит предмет ради предмета», не имеющего никакого отношения к личным интересам ученого. В моральном плане объективность ученого проявляется как «добродетель справедливости, беспристрастия, правдивости, смирения». А это есть «добродетель свободы от самого себя» [5]. Л. Фейербах был уверен, что созданный им образ ученого является отражением «сущности науки».

Но уже к середине XIX в. начавшийся «крестовый поход» против господства научного разума положил начало критическому переосмыслению образа ученого и его роли в обществе. Эстетствующий Ф. Ницше, восхищающийся духом аристократизма, не мог простить ученым их плебейского, с его точки зрения, происхождения, повторив, не осознавая того, мнение английской толпы XVII в. Современный

ученый, с его точки зрения, не может выйти «из своего человеческого закутка», где живет «в бедственном состоянии», как, например, «чахоточный Спиноза» [3]. Изучив биографии многих ученых, Ницше заключил, что ученые, как правило, не имеют аристократического происхождения и добиваются признания в обществе с помощью силы своего мышления. Апология разума, с его точки зрения, началась с плебея Сократа, который использовал способности разума для уничтожения аристократов, не владеющих искусством разумной аргументации. Именно Сократ сконструировал «неслыханный до него» «тип теоретического человека», то есть человека, владеющего способностью разумного мышления. Будучи представителями незнатной, негосподствующей, не обладающей авторитетом породы людей (канцелярских писарей, священников и т.д.), ученые, по мнению Ницше, обладают и соответствующими добродетелями. Они трудолюбивы, непритязательны в быту, умеют «терпеливо стоять в строю». Принадлежность к «незнатной» породе наделяет ученого «инстинктом посредственности», а потому ученый «инстинктивно работает над уничтожением необыкновенного человека» [3].

Плебейское происхождение ученых, их бедность, как считал Ницше, предопределили, прежде всего, содержание научных теорий английских ученых – Ч. Дарвина, Дж. Стюарта Милля, Г. Спенсера. Бедность их предков явилась скрытым истоком научных теорий, созданных этими учеными, что ярче всего, по мнению Ф. Ницше, проявилось в эволюционном учении Ч. Дарвина, в котором излагалось «непостижимо одностороннее учение о борьбе за существование». В этом учении проглядывают заботы людей, хорошо знавших «тяготы хлеба насущного», а потому не могущих усмотреть импульса жизни ни в чем ином, кроме самосохранения и борьбы за существование. «От всего английского дарвинизма, – писал Ф. Ницше, – отдает как бы удушливой атмосферой английского перенаселения, как бы мелколюдным запахом нужды и тесноты». Англия в лице Ч. Дарвина породила «плебейство новейших идей». Ф. Ницше относил Ч. Дарвина и его последователей к типу людей, принадлежащих эпохе христианско-иудейской культуры «последнего человека», а потому считал, что у этого учения нет будущего [3].

Современного ему ученого Ницше сравнивал с нежной, выдутой, тонкой, гибкой литейной формой, «которая должна ждать какого-то содержания и объема, чтобы “принять вид” сообразно с ними». Ученый, в восприятии Ф. Ницше, не представляет собою чего-либо крепкого, мощного, самостоятельного, что хочет господствовать. Он есть

«орудие, некое подобие раба, хотя, без сомнения, наивысший вид раба». Только эпоха сверхчеловека, утверждал философ, породит новую популяцию ученых, которые выйдут из своего задавленного бедственным состоянием «человеческого закутка», перестанут проецировать это состояние на природу, как это сделал Ч. Дарвин. Они поймут, что «в природе царит не бедственное состояние, но изобилие, расточительность, доходящая даже до абсурда», расточительность, не поддающаяся под одностороннее дарвиновское учение о «борьбе за существование». Ницше не отрицал, что везде идет борьба «великая и малая», но она, как считал он, всегда идет «за перевес», «за власть, соответственно воле к власти, которая как раз и есть воля к жизни». Плебейская психология определила, по убеждению Ф. Ницше, и содержание императива науки, устанавливающего пределы научного познания: «где человеку нечего больше видеть и хватать руками, там ему также нечего больше искать» [4]. Кстати, И.В. Гёте в «Фаусте» примерно такие же слова вкладывает в уста Фауста. В соответствии с этим императивом физика, считал Ф. Ницше, разрабатывает всякую проблему до определенного предела, «объясняет» «только то, что можно видеть и ощупывать», что является «надлежащим» «для грубого, трудолюбивого поколения машинистов и мостостроителей будущего, назначение которых – исполнять только черную работу» [3].

Всегдашнее присутствие предков в «крови и инстинкте» ученых, а также профессиональная ориентация семьи, в которой они родились и воспитывались, проявляется, считал Ф. Ницше, в познавательных их ориентациях. Так, ученый из семьи регистратора и канцелярских писарей наследует в своей познавательной деятельности установку на схематизацию, классификацию, составление таблиц категорий и т.д. Ученые из семьи протестантских священников наследуют наивную уверенность в том, что можно изложить свои мысли «от сердца и с теплотой: они... привыкли к тому, что им верят, – у их отцов это было “ремесло”». Если ученый еврей, то «напротив, согласно кругу занятий и прошлому своего народа», «он меньше всего привык к тому, чтобы ему верили». Он может принудить к согласию своего оппонента или слушателя только посредством доводов. Отсюда и сложилась в среде еврейских ученых традиция возлагать «большие надежды на логику». Европа, как писал Ф. Ницше, «обязана немалой благодарностью евреям как раз по части логизирования». Евреи, разрабатывая в силу собственных обстоятельств логику, научили европейцев, в том числе и немцев, «тоньше различать, острее делать выводы, яснее и аккуратнее писать: их задачей всегда было привести народ к *raison*» (фр. «разум»).

Разум универсален, и им может овладеть человек любого сословия. Именно поэтому, по мнению Ф. Ницше, начиная с Сократа, разум стал одной из причин быстрой демократизации общества. Самой же демократической наукой является, с его точки зрения, логика, а потому неслучайно именно еврейские ученые стояли у основ европейской демократии, которая характеризуется идиосинক্রазией «ко всему, что господствует и хочет господствовать». Именно демократическая идиосинক্রазия, с точки зрения Ф. Ницше, вытеснила из физиологии и учения о жизни понятие активности, с помощью которого определялась сущность жизни, «её воля к власти». Понятие активности было заменено понятием «приспособление», и Г. Спенсер определял жизнь «как все более целесообразное внутреннее приспособление к внешним условиям». Ф. Ницше не соглашался с таким определением жизни, утверждая, что в нем «упускается из виду преимущество, присущее спонтанным, наступательным», «наново направляющим и созидательным силам, следствием которых и оказывается “приспособление”» [3].

Признавая, что ученый обладает объективным умом, стремлением к «бескорыстному познанию», является борцом против надоевшего субъективизма «с его проклятым крайним солипсизмом», Ф. Ницше не восхищался, как это делал Л. Фейербах, объективностью ученого, наблюдающего и любящего предмет ради самого предмета. «Объективность», считал он, обладает одним существенным недостатком: она порождает «паралич воли» ученого, который рассматривает итоги научного познания независимыми от человека и человечества. Объективный ум ученого «уже не проклинает и не бранит», а только рационально размышляет, к чему собственно и призывал Б. Спиноза. Ученый, доверившись объективному разуму, не знает «иной радости, кроме той, которую дает познание» внешнего, чуждого ему мира. Сбрасывая «покров» с природы, «разоблачая», «завоеывая» её, ученый испытывает настоящую страсть, дающую «наслаждение». Его сокровенное желание – созерцать истину как «нагую богиню, а влечение к жизни сводится для него только к радости познания, к желанию завершить “завоевание” истины» [3]. Эту идею Ницше воспроизведет впоследствии Ж. Деррида, который свяжет истоки возникновения европейской науки с господством мировоззрения «фаллоцентризма».

Страсть ученого к познанию Ф. Ницше считал опасной для общества по той причине, что она включает в себя привычку «идти навстречу каждой вещи и каждому событию в жизни» с «неразборчивой благожелательностью» и «опасной беззаботностью». И то и другое является вариацией безответственного отношения ученых к познавае-

мой природе, что, как предвидел он, чревато гибельными для человечества последствиями. Интересно в этой связи отметить, что сами ученые, например, А. Эйнштейн и Н. Бор осознали свою ответственность перед человечеством только после первого атомного взрыва в 50-е гг. XX столетия. Но многие ученые продолжали пребывать в состоянии «опасной беззаботности». Так, Э. Ферми, присутствовавший на испытательном полигоне, воскликнул, обращаясь к коллегам: «Вы все говорите, что это ужасно, а я не понимаю почему. Я нахожу, что это прекрасный физический эксперимент». Подверженные мечтательной и иллюзорной вере в то, что мышление не только может познать бытие, но даже и «исправить его», ученые и их апологеты стали ценить способность человека к логическим суждениям и умозаключениям «выше других способностей», таких, например, как любовь, сострадание, ответственность, долг, совесть, справедливость и т.д. Знание стало выше морали, а потому перестало нуждаться в ней. Увлеченные единственной достойной с их точки зрения целью – развивать свою мыслительную способность, ученые утратили глубину человеческих чувств. Потому, как писал Ф. Ницше, в отношении учёных к людям «любовь деланная», «ненависть искусственная» и скорее похожа «на мелкое тщеславие и аффектацию» [3].

Обращение Ф. Ницше к фигурам английских ученых не случайно. Он, как и многие немецкие философы, считал, что ориентированность англичан на занятия наукой была определена тем, что англичане не «философская раса». Так, Ф. Бэкон, по мнению Ф. Ницше, «знаменует собою нападение на философский ум вообще, а Т. Гоббс, Д. Юм и Дж. Локк – унижение и умаление значения понятия “философ” более чем на целое столетие». Английские философы способствовали «англо-механистическому» «оболваниванию» мира, против чего и восстали И. Кант (критиковавший Д. Юма), Ф. Шеллинг (осмелившийся сказать: «Я презираю Локка»), а затем Г. Гегель, А. Шопенгауэр и И. Гёте. У английских ученых не было «настоящей мощи ума, настоящей глубины умственного взгляда, словом философии». Для их мышления, считал Ф. Ницше, была характерна «узость, сухость и рачительность» мысли. Не будучи философской нацией, англичане не смогли понять, что ученый никогда не сможет стать философом в европейском значении этого слова. Это убеждение Ф. Ницше подтвердилось, когда некоторые из английских ученых, возомнив себя философами, не смогли породить ничего, кроме «духовной убогости» философского позитивизма, сужающей сферу философских проблем до теории познания. Философы-позитивисты ничем уже не напоминали

«царственных, великолепных отшельников мысли», какими были Гераклит, Платон, Эмпедокл и другие античные философы, а потому философия позитивизма вызывала у Ф. Ницше «недоверие и уныние», «насмешку и сострадание». Позитивистами в философии стали люди науки, которые «захотели от себя большего», захотели войти в царство философии. Но это оказалось им не под силу, и отсюда их «злоба» и «мечь», а также «неверие в царственную задачу и царственное значение философии». «Плебейское честолюбие» «бравых механиков и эмпириков», лишенных величия и мощи духовных сил, чужеродно сущности великих философских проблем. И хотя они ломаются в «эту “святую святых”», двери философии «остаются закрытыми для них». Позитивизм, прежде всего английский, сформировал, как писал Ф. Ницше, высокомерное, неуважительное отношение ученых к философии. Одни ученые инстинктивно оборонялись от философии, так как не в состоянии были решать синтетические задачи и развивать в себе синтетические способности, что являлось основным её требованием; другие, учуяв «запах otium (лат. «досуг, отдых, развлечение». – *Авт.*) и аристократической роскоши в душевном мире философа», почувствовали себя «обиженными и униженными», что заставляло их негодовать по поводу философии; третьи, ориентированные на прагматизм и утилитаризм, отвергали философию в силу того, что она «не приносит пользы»; четвертые испытывали страх перед философией, видя в ней «замаскированную мистику» и стремление «урегулировать границы познания»; пятые переносили свое неприятие того или иного философа на всю философию в целом [3].

В XX в. после Второй мировой войны наука превращается в «Большую науку», что, бесспорно, сопровождается изменением сущностных характеристик ученого и его роли в обществе. Сущностной характеристикой новоевропейской науки стало «предприятие», и на смену ученому пришел исследователь. Так считал М. Хайдеггер [см.: 6]. «Предприятием» он называл протекание научной работы в институтах. Способность науки «организоваться как особая институция» становится условием, благодаря которому наука обретает «подлинный вес и авторитет». Научные институты необходимы в силу того, что наука есть исследование, ограниченное пределами своей предметной сферы. Так как науки обособляются, в них происходит специализация, то научные институты «облегчают плановое сведение воедино различных методологических подходов и принципов»; «способствуют взаимной проверке» результатов научных исследований; «упорядочивают обмен научными силами»; свидетельствуют о том, что метод, который

всегда связан с субъективностью, получает «преимущественное положение» «перед сущим», ставшим предметным; способствуют созданию со-принадлежности и единства исследовательских дисциплин, т.е. созданию системы наук. Наука XX в. в качестве «предприятия» есть, как считал Хайдеггер, «знак вступления науки Нового времени в решающую фазу своей истории», когда она овладевает «своей собственной сущностью во всей её полноте».

Наука как «предприятие» сформировала «новую породу» ученых. «Ученый-эрудит исчезает», и его, как считал Хайдеггер, «сменяет исследователь, состоящий в штате исследовательского предприятия». В отличие от ученого-эрудита, исследователь «неотвратно вторгается в сферу, принадлежащую... фигуре техника», и только так он придает своей деятельности актуальность и признанность. Исследователь неизбежно вынужден «отступать в социальную неприметность всякого общепольного труда», а потому громкое восхищение им, как это было в случае с ученым-эрудитом, становится невозможным. Время великой науки и великих имен закончилось [6]. Что касается университетской науки, то, по мнению Хайдеггера, в некоторых из них еще может некоторое время «держаться, все более скудея и выхолащиваясь, романтика гелертерства (нем. «книжной учености». – *Авт.*)». Но так как истинные сущностные силы современной науки достигают действительности непосредственно в производстве, то университетская наука как бы выпадает из времени своего истинного бытия. Исследователь в отличие от ученого не заботится «о своей учености», и ему «уже не нужна домашняя библиотека». Он «постоянно в разъездах», так как «обсуждает научные проблемы на конференциях; получает информацию на конгрессах»; «связывает себя издательскими заказами», а издатели определяют, «какие книги следует писать»; предоставляет себя «в распоряжение общего блага», приравнивая свой труд к «общепольному труду» в его общественной «неприметности» [6].

«Наука стала массовой профессией, и учёный перестал чем-либо отличаться от обычного клерка», – такую форму обрели мысли М. Хайдеггера в размышлениях Ф. Гиренка о современной науке [2]. Совершенно очевидно, что клерк от науки не склонен к озарениям, аутизму, одиночеству и затворничеству. «Современная наука – это теперь бизнес, пространство доминирования менеджера, а не мыслителя. В лучшем случае – это рутинная работа с девяти до пяти разного рода научных сотрудников, которых перестали посещать безумные идеи [2]. Такая ситуация в науке востребовала тему плебейства ученых, но уже не в той смысловой интерпретации, какую ей давали Ф. Бэкон и

Ф. Ницше. Так, К. Ясперс заговорил о «возникновении слоя плебеев от науки». Они характеризуются тем, что «создают в своих работах пустые аналогии, выдавая себя за исследователей, приводят любые установления, подсчеты, описания и объявляют их эмпирической наукой». Каждый, обладающий «рассудком и прилежанием», «считает себя способным» к науке, «каждый безответственно смеет высказывать свое мнение, которое он вымучил», а в результате рождается бесконечное множество точек зрения, затрудняющих понимание сути дела [7].

В конце статьи мы ставим многоточие, означающее незавершенность разговора по данной теме...

Литература

1. Бэкон Ф. Соч. : в 2 т. Т. 1. М., 1977–1978.
2. Гиренок Ф. Наука без надежды // Завтра. 2010. № 10 (851).
3. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческой. Книга для свободных умов // Ницше Ф. Соч. : в 2 т. Т. 1. М., 1990.
4. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Соч. : в 2 т. Т. 2. М., 1990.
5. Фейербах Л. Пьер Бейль. К истории философии и человечества // Фейербах Л. История философии. Собр. Произведений : в 3 т. Т. 3. М., 1974.
6. Хайдеггер М. Время и бытие (статья и выступления). М., 1993.
7. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.

References

1. *Bekon F.* Soch. : v 2 t. T. 1. M., 1977–1978.
2. *Girenok F.* Nauka bez nadezhdy // *Zavtra.* 2010. № 10 (851).
3. *Nitsshe F.* Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoy. Kniga dlya svobodnykh umov // *Nitsshe F.* Soch. : v 2 t. T. 1. M., 1990.
4. *Nitsshe F.* Po tu storonu dobra i zla // *Nitsshe F.* Soch. : v 2 t. T. 2. M., 1990.
5. *Feyerbakh L.* P'er Beyl'. K istorii filosofii i chelovechestva // *Feyerbakh L.* Istoriya filosofii. Sobr. proizvedeniy : v 3 t. T. 3. M., 1974.
6. *Khaydegger M.* Vremya i bytie (stat'i i vystupleniya). M., 1993.
7. *Yaspers K.* Smysl i naznachenie istorii. M., 1994.